

книге об отношении пиэтистов к России почти не говорится, то значение труда проф. Винтера вырастает еще больше.

Автор справедливо видит за лозунгом Франке о привлечении к «истинному христианству» народов мира, в том числе и русских, «политические и экономические интересы» (стр. 45; ср. стр. 42 и др.).³ Неоднократно подчеркивает проф. Винтер связь Франке с немецким меркантилизмом и зарождавшимся капитализмом, с одной стороны, и с прусско-бранденбургским двором, с другой. Поэтому не вполне убедительным, — во всяком случае, требующим более веских доказательств, — представляется нам положение автора о том, что пиэтизм и немецкое Просвещение связаны и что «без халльского пиэтизма немецкое Просвещение не могло бы так скоро упрочиться» (стр. 8). Напротив того, давно известные факты о гонениях, предпринятых Франке против Х. Вольфа, более подробно изложенные в рецензируемой книге, а также новые данные о преследованиях вождем халльских пиэтистов просветителя Томазиуса, говорят решительно против концепции проф. Винтера. В освещении автора личность Франке представляется крайне отрицательной,⁴ хотя явно чувствуется, что проф. Винтеру импонирует «суровый человек действия» («der harte Tatmensch» — стр. 9) Франке. Как объективный, добросовестный ученый, проф. Винтер указывает в одном из примечаний американскую работу 1934 года, озаглавленную «Пиэтизм как фактор в формировании германского национализма». Нам эта книга недоступна, но, если судить по заглавию, нам кажется, что пиэтиста Франке американский автор правильно связывает не с немецким Просвещением — Лейбницем, Томазиусом, Вольфом, — а с позднейшими идеологами германского мирового господства.

Сказанное не означает, однако, что объективно в деятельности Франке, наряду с отрицательными моментами, не было и положительных. Если в его стремлении привлечь (может быть, точнее даже — подчинить) к своему «истинному христианству» население России нельзя не видеть экспансионистских вожделий немецкого бюргерства, то в создании «учреждений Франке», в переписке с русскими учеными, в собирании и сохранении славянских и русских рукописей и книг заслуга этого «сурового человека действия» неоспорима.

Книга проф. Винтера написана легко, интересно и живо. Для нас особенное значение имеют разделы, освещающие деятельность «халльцев» в России и русских в Халле (стр. 72—106). В новом свете представляются после прочтения главы «Петербургская Академия наук и Халле» (стр. 161—198) первые годы работы нашего высшего научного учреждения. Много нового содержит и глава, посвященная изучению русского языка в Халле и деятельности тамашней русской типографии (стр. 199—254). Очерг ценны приложения, в которых имеются впервые публикуемые письма Ф. Прокоповича, С. Тодоровского, И. Копиевского и др.

³ В этом отношении ценным дополнением к труду Э. Винтера является статья Бруно Леммеля «Der Rußlandhandel der Franckeschen Stiftungen im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts» (DSW, стр. 157—192).

⁴ Вот как характеризовал Франке П. И. Нечаев в упомянутой работе: «Франке был душою галльского пиэтизма. Он отличался благочестием, необыкновенною преданностию своим убеждениям и горячностью характера <...> у Франке все дышит огненным рвением и суровостию. Франке был неустойчив в преследовании своих целей и старался быть выше препятствий, заграждавших ему избранный им путь» (П. И. Нечаев, ук. соч., стр. 76—77). Далее Нечаев говорит о «неустойчивом рвении Франке», о том, что «Франке идет напролом» и т. д. (стр. 77).